

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

На рассвете я подходил к селу Игнатскому. Слева дремало скошенное овсяное поле.

Справа за лесистыми скатами берегов поблескивала Ока. Таял бледный кружок луны. За рекой из гущи бора маячили далекие крыши музея-усадьбы замечательного художника Василия Дмитриевича Поленова.

Эти красивейшие русские местности, эти синевящие огромные просторы, эти поля и рощи, луну над стогом сена, придорожные березы и дорогу, по которой я иду, и как бы самый воздух этот и тишину неповторимо запечатлел на своих полотнах гениальный ученик Поленова – грустный и милый Левитан.

Рассвело настолько, что я различаю впереди большой, крытый соломой навес, окруженный скирдами. В близком, но пока невидимом селе орут петухи и трудолюбиво стучит чей-то молоток, отбивающий косу...

Внезапный отчаянный лай оборвал мои думы.

Прямо на меня рысью летели два крупных пса.

Я сжал в руке можжевелевую палку и сделал ею артикул наотмашь... но сразу понял, что бой не состоится. Один пес оказался слишком молод и глуп, что было видно по нелепо вихлявшемуся хвосту, другой просто был стар и давно сменил злобу на равнодушие, хрипу-че лая лишь по привычке. Я вынул из сумки кусок хлеба – и между нами произошло трогательное братание.

Вслед за тем мы втроем направились к скирдам. Под навесом на току я присел на деревянный обрубок и стал закусывать.

Передо мною высилась большая куча ржаных снопов. Задумчиво жуя хлеб вприкуску с огурцом, я вдруг заметил, что вершина кучи медленно зашевелилась. Вот солома расстучпилась в стороны и показалась кепка – обыкновенная мягкая кепка кукушечьей расцветки. Вслед за кепкой вылезли плечи, руки... Наконец, целиком возник заспанный молодой паренек, застенчиво улыбающийся, и улыбка его была особенно мила тем, что спереди не хватало одного зуба.

– Доброе утро! – приветствовал я его, приподымая с головы свой картуз.
– Каково поспалось?

– Да я, чай, не спал. Погреться я залез. Лунно было, всю ночь читал...

За пазухой у него книга, тетрадки. Я полюбопытствовал, взял книгу в руки: "Курс исторического материализма". В тетрадках – углы, квадраты, линии, вычисления.

– Понимаешь, беда у меня, – горячо заговорил он, вместе с улыбкой показывая дырку в зубах. – Кончил я рабфак, но не сдал еще чертежи. А мне нынче в Красную Армию. Вот и подгоняю...

Снопы подпирают под самую крышу навеса. Пахнет густой медовой ржаной состью. Утренняя тишина в полутьме навеса особенно торжественна. Ночного сторожа обильного урожая, ученого колхозника, будущего военного командира зовут Колей.

Что о нем сказать: тут надо складывать новую сказку о полевом герое, который для общего счастья при лунном сиянии упорно подкрадывается к драгоценной жар-птице – науке и ловит ее за радужный хвост.

Спускаюсь под гору, в село. Молодой пес, от избытка сил носящийся кругами, и старый пес, оказавшийся одноглазым, раболепно меня сопровождали. Утки с плотины, по которой мы проходили, торопливо побросались в воду, заколыхав отражения в ней береговых верб, и одна утка на весь пруд прокричала нам укоризну.

Над избами кое-где кудрявился дымок, топились печи. Вот первые, как бы вызолоченные, косые лучи солнца брызнули вдоль улицы, багряно загораясь в окнах. Белоголовая девчурка, несшая в подоле хворост, увидев меня, остановилась и замерла, розовая в солнечном свете.

– Девочка! Где тут живет Александра Михайловна Скотычикова?

– Бригадирка? А она давно-о-о в поле убежала! – Потому как она это "давно" протянула нараспев и помахала куда-то рукой, я понял, что и поле это не близко и дела там сейчас горячие. Присмотрев среди улицы что-то вроде часовой с затейливой крышей, с лавочками для сиденья, я направился туда. Похожее на часовню сооружение оказалось стеной газетой. Прежде всего тут показали свое мастерство плотники, столяры, маляры, стекольщики. А затем уж выказали себя во весь рост художники, карикатуристы, критики, патриоты и герои колхоза "Пахарь".